

ГДЕ ЁЖИК?

ИЗДАТЕЛЬСТВО "ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА"

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

ГДЕ ЁЖИК?

РАССКАЗЫ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Москва «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА» 1976

Р1
Г26

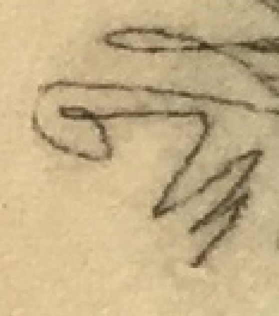
Издавна рядом с человеком живут животные.

Когда-то давно в стужу и голод они пришли к вкусно пахнущему человеческому тёплому жилью и остались жить у человека.

Человек также издавна наблюдает жизнь животных в лесах, в реках, в озёрах, в воздухе да и повсюду в разные времена года и находит в этой жизни много общего со своей. Животные строят жилища, воспитывают детёнышей и заботятся о них, трудятся всю жизнь почти как люди.

Индейцы, например, считают животных своими маленькими братьями. А мы все знаем, что маленьких нельзя обижать. А если проявить немного заботы и внимания к зверям, то у человека появляются преданные бескорыстные друзья, и жизнь человека становится богаче.

В этой книге вы прочтёте рассказы русских писателей о том, как люди подружились с животными.

Г26 **Где ёжик?** Рассказы русских писателей. Рис. Г. Никольского и С. Монахова. М., «Дет. лит.», 1976.

32 с. с ил. (Школьная б-ка «Читаем сами»)

О животных всегда интересно читать. Вы прочитаете здесь и про ёжика, и про уток, и про собак, и про то, как девочка приручила рыбок, и о том, как медведь был бродячим актёром, о том, как у художника жили заяц, баран, ёж и белка.

$Г\frac{70802-609}{М101(03)76}$ 28Р—77 Р1

ГДЕ ЁЖИК?

Саше и Маше подарили хорошенького ёжика. Он жил у них всё лето, очень привык к ним, прибегал на их зов, брал у них из рук кусочки говядины и хлеба и разгуливал не только по всему дому, но и по саду. Дети очень любили ёжика, не боялись его игл и усердно кормили его молоком с булкой.

Наступила осень. Детям нельзя было так много гулять в саду, но они утешались тем, что у них есть товарищ для игр.

Как же бедняги огорчились, когда их ёжик вдруг исчез. Дети бегали по всему дому, звали ёжика, искали его, но всё напрасно.

— Куда спрятался наш ёжик? — повторяли дети и обращались с этим вопросом ко всем домашним.

— Обещайте, что вы не тронете ёжика, — сказал им садовник, — и я покажу вам, где он.

— Обещаем, обещаем! — закричали дети.

Садовник повёл их в сад и показал им кучку земли между кустами жимолости, которые росли у самого дома:

— Я сам видел, как ёжик рыл себе тут ямку, натаскал в неё травы и влез вот в это отверстие. Теперь он тут крепко спит и проснётся только весной. Не будите и не трогайте его, а то он захворает.

Дети послушались садовника и терпеливо дожидались весны.

Как же они обрадовались, когда однажды, в тёплый апрельский день, их друг ёжик снова вернулся к ним! Он только очень похудел во время своего долгого сна. Но за зиму развелось в доме много мышей, и, верно, он скоро отъестся ими.

М. Быкова

ГНЕЗДО

Заметив гнездо какой-нибудь птички, чаще всего зорьки или горихвостки, мы всякий раз ходили смотреть, как мать сидит на яйцах.

Иногда по неосторожности мы спугивали её с гнезда и тогда, бережно раздвинув колючие ветви барбариса или крыжовника, разглядывали, как лежат в гнезде маленькие-маленькие, пёстренькие яички.

Случалось иногда, что мать, наскучив нашим любопытством, бросала гнездо: тогда мы, увидя, что несколько дней птички в гнезде нет и что она не покрикивает и не вертится около нас, как то всегда бывало, доставали яички

или всё гнездо и уносили к себе в комнату, считая, что мы законные владельцы жилища, оставленного матерью.

Когда же птичка благополучно, несмотря на наши помехи, высиживала свои яички, и мы вдруг находили вместо них голеньких детёнышей, с жалобным тихим писком беспрестанно разевающих огромные рты, видели, как мать прилетала и кормила их мушками и червяками... Боже мой, какая была у нас радость!

Мы не переставали следить, как маленькие птички росли, перились и наконец покидали своё гнездо.

С. Аксаков

СУРКА

Раз, сидя на окошке, услышал я какой-то жалобный визг в саду.

Мать тоже его услышала, и когда я стал просить, чтоб послали посмотреть, кто это плачет, что «верно, кому-нибудь больно», мать послала девушку, и та через несколько минут принесла в своих пригоршнях крошечного, ещё слепого щенка, который, весь дрожа и нетвёрдо опираясь на свои кривые лапки, тыкаясь во все стороны головой, жалобно визжал, или скучал, как выражалась моя нянька.

Мне стало так его жаль, что я взял этого щеночка и закутал его своим платьем.

Мать приказала принести на блюдечке тёпленького молочка и после многих попыток, толкая рыльцем слепого кутёнка в молоко, выучила его лакать.

С этих пор щенок по целым часам со мной не расставался. Кормить его по нескольку раз в день сделалось моей любимой забавой.

Его назвали Суркой.

Он сделался потом небольшой дворняжкой и жил у нас семнадцать лет, разумеется, уже не в комнате, а на дворе, сохраняя всегда необыкновенную привязанность ко мне и к моей матери.

С. Аксаков

МОИ СОБАКИ

У моего фокса Тоби родились щенята. Увидав меня, они, шатаясь, поползли ко мне, вертя приветливо от радости хвостиками. Мать, увидав это, в беспокойстве таскала их от меня за шиворот обратно в уголок, где родила их. Но фоксы не унимались, лезли ко мне. Спустя некоторое время мать просто утром принесла их всех по одному на постель ко мне — решила, чтобы вообще всем вместе быть и спать. Пришёл и отец, Тоби...

* * *

Какие милые существа собаки. Маленькое сердце щенка, как горошина, полно любви к человеку и такта. Тоби-отец не обращает внимания на детей — их воспитывает мать. Но, видимо, он рад, что есть у него семейство. Когда щенята подросли, то мать кусала и дразнила их всех по очереди ужасно. Они в злобе бросались на мать. Видимо, она была довольна.

— Этак она из них собак делает, — объяснил мне приятель, — чтобы могли себя защитить в жизни...

К. Коровин

ДИКИЕ И ДОМАШНИЕ УТКИ

По соседству от меня, в одной деревушке, называющейся Коростелёво, крестьянка положила под курицу двенадцать кряковых[1] яиц.

Утята вывелись, воспитывались в стае русских уток и привыкли вместе с ними есть корм...

Осенью корму понадобилось больше и, чтоб не тратиться даром, крестьянка продала восемь утят, а двух молодых селезней и двух уток оставила на племя́; но через несколько недель они улетели и пропали.

[1] Кря́ква — дикая утка.

На следующую весну беглецы воротились на тот же пруд и стали по-прежнему жить и есть корм с дворовыми утками.

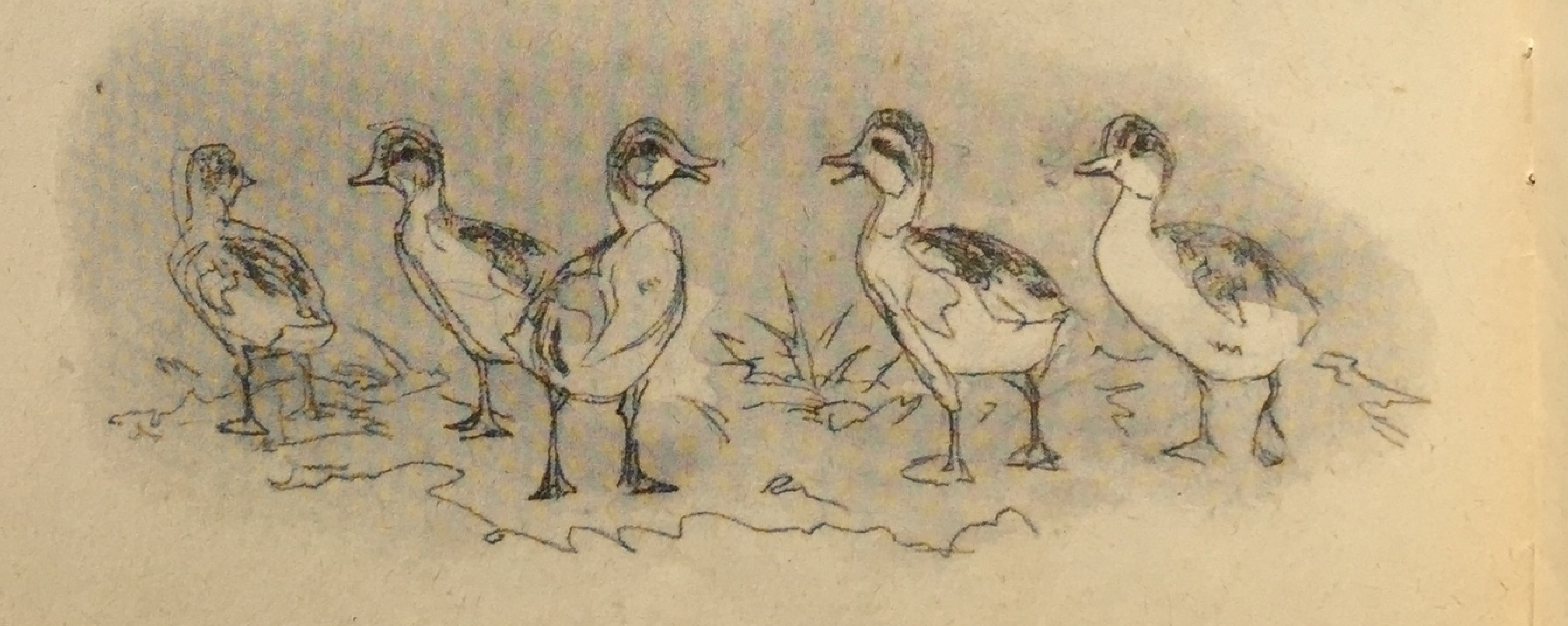
Осенью одна пара опять улетела, другая осталась зимовать. А в следующую весну утка нанесла яиц и вывела десять утят, из числа которых я сам купил четырёх.

Крестьянка опять оставила пару, и потомство их совершенно смешалось и ничем уже не отличалось от русских уток.

Итак, только в третьем поколении порода диких уток совершенно потеряла память о своём вольном житье.

Купленные же мною молодые утки, принадлежавшие ко второму поколению, ещё отличались от дворовых как своей наружностью, так и нравами: они были бойчее, проворнее, как-то складнее и пугливее домашних уток, часто прятались и даже пробовали несколько раз уходить.

С. Аксаков

КАТИН ПОДАРОК

— Ты куда всё пропадаешь, Катя? — спросил папа свою девятилетнюю девочку. — Как только кончишь учиться, так сейчас куда-то исчезнешь. Вчера тебя насилу докричались к обеду.

— Папочка, позволь мне рассказать тебе об этом не раньше, как в день рожденья Володи, — отвечала черноглазая Катя.

Отец улыбнулся. «Что это она придумала за подарок Володе?» — подумал он.

Рано проснулся Володя в день своего рожденья. Он знал, что ему всегда дарят в этот день игрушки, и ждал его с нетерпением. В столовой папа дал ему игрушечный пистолет и вожжи, а мама — книгу с картинками.

Когда мальчик насмотрелся на свои подарки, Катя сказала ему:

— У меня тоже есть подарок для тебя, Володя. Пойдём со мной, я покажу его тебе.

Катя захватила с собой маленькую корзиночку и повела брата по дороге к пруду. Папа тоже пошёл за ними. На берегу пруда дети сели под тенью большой ивы. Володя с любопытством смотрел на сестру. Она вынула из корзинки колокольчик и принялась звонить.

Что это? На поверхности пруда появилось несколько рыбок. Ещё и ещё. Все они подплывали к тому месту, где была Катя.

Она вынула из корзинки ломтик хлеба и стала бросать рыбкам крошки. Вот весело было смотреть, как рыбки хватали их, толкали друг друга, ссорились и отнимали кусочки одна у другой! Катю они или не замечали, или вовсе не боялись.

— Видишь, какой у тебя волшебный колокольчик, — сказала девочка, — как рыбки слушаются его звона. Дарю его тебе. Всякий раз, как тебе захочется посмотреть на рыбок, тебе стоит прийти сюда и позвонить.

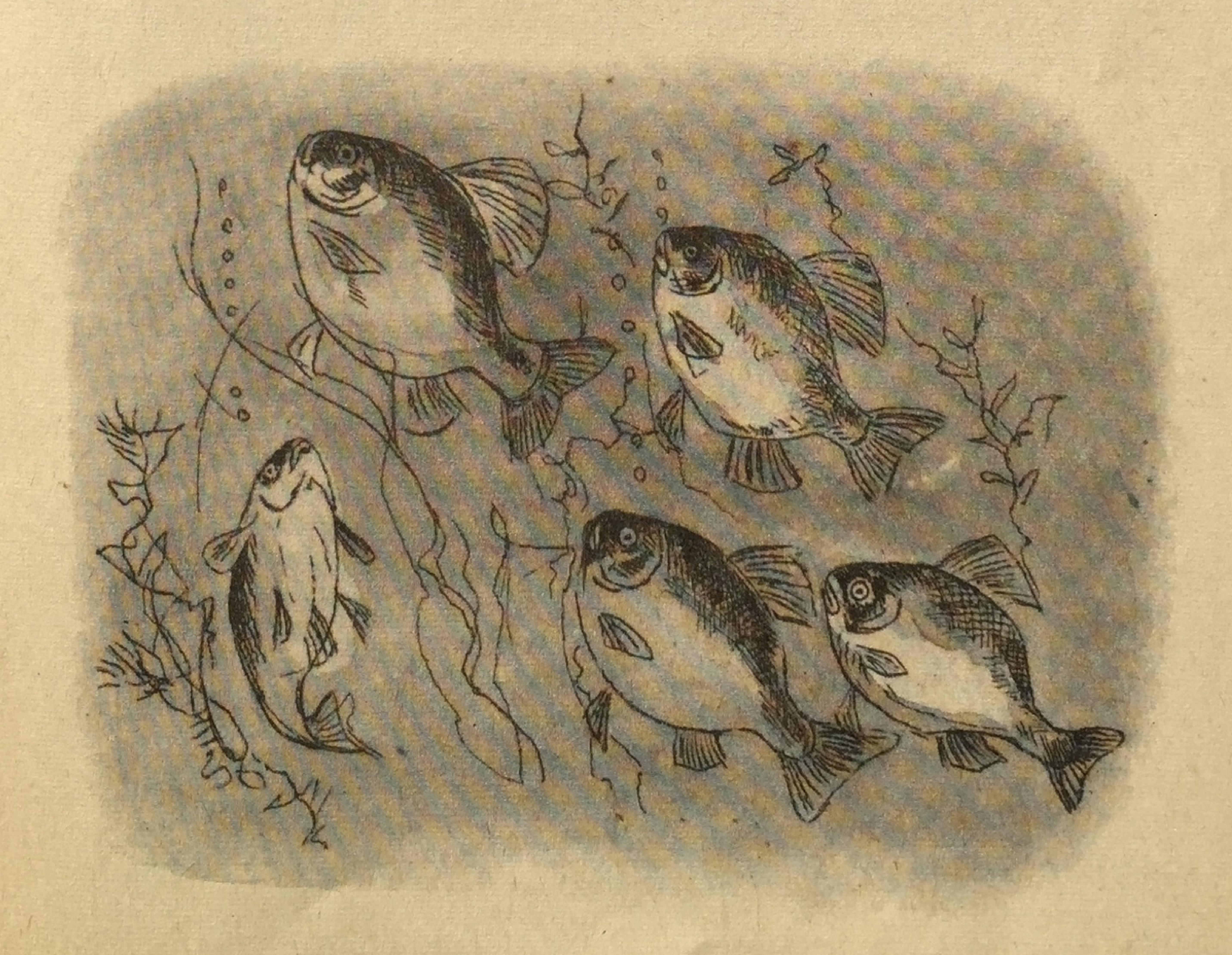
Володя прыгал от радости и обнимал сестру.

— А если я позвоню не у пруда, а у речки, то рыбки тоже приплывут? — спросил он.

— Нет, дружок, те ведь не учёные, а этих я выучила. Я целый месяц ходила каждый день к пруду, бросала крошки хлеба и в это время звонила. Наконец рыбки и привыкли приплывать на звон колокольчика.

— Так вот куда ты всё пропадала, Катя, — сказал отец. — Славно ты придумала. Пойдём, Володя, расскажем об этом маме, она, верно, тоже захочет посмотреть умных рыбок.

М. Быкова

КАК МЕДВЕДЯ ПОЙМАЛИ

В Нижегородской губернии[1] много медведей. Мужики ловят маленьких медвежат, выкармливают их и учат плясать. Потом они водят медведей показывать. Один водит его, а другой наряжается в козу, пляшет и бьёт в барабан.

Один мужик привёл медведя на ярмарку[2].

[1] Так раньше называлась Горьковская область.

[2] Ярмарка — торг, устраиваемый регулярно на одном и том же месте в определённое время года; на ярмарке бывали увеселения, представления.

С ним вместе ходил его племянник с козой и барабаном. На ярмарке было много народа, и все смотрели на медведя и давали мужику деньги.

Вечером мужик подвёл своего медведя к кабаку и заставил его плясать. Мужику дали ещё денег и дали вина. Он выпил вина и дал выпить своему товарищу. И медведю дал выпить целый стакан вина.

Когда пришла ночь, мужик с племянником и медведем пошли ночевать в поле, потому что все боялись пустить к себе на двор медведя. Мужик с племянником и медведем вышли за деревню и легли спать под деревом. Мужик привязал цепью медведя за пояс и лёг. Он был немного пьян и скоро заснул. Племянник его тоже заснул. И они спали так крепко, что до утра ни разу не проснулись.

Утром мужик проснулся и увидал, что медведя подле него не было. Он разбудил племянника и побежал с ним отыскивать медведя. Трава была высокая. И по траве виден был след медведя. Он через поле прошёл в лес.

Мужики побежали за ним. Лес был частый, так что трудно было идти через него.

Племянник сказал:

— Дядя, мы не найдём медведя. А и найдём, не поймаем его. Вернёмся назад.

Но мужик не согласился. Он сказал:

— Медведь нас кормил, и если мы не найдём его, мы пойдём по́ миру. Я не вер-

нусь назад, а из последних сил буду искать его.

Они пошли дальше и к вечеру пришли на поляну. Стало смеркаться. Мужики устали и сели отдохнуть. Вдруг они услыхали, что близко от них что-то гремит цепью. Мужик вскочил и потихоньку сказал:

— Это он. Надо подкрасться и поймать его.

Он пошёл к той стороне, где гремела цепь, и увидал медведя. Медведь лапами тянул за цепь и хотел скинуть с себя привязку. Когда он увидал мужика, он страшно заревел и оскалил зубы.

Племянник испугался и хотел бежать; но мужик схватил его за руку, с ним вместе пошёл к медведю.

Медведь зарычал ещё громче и побежал в лес. Мужик видел, что он не поймает его. Тогда он велел племяннику надеть козу, и плясать, и бить в барабан, а сам стал кричать на медведя таким голосом, каким он кричал, когда показывал его.

Медведь вдруг остановился в кустах, прислушался к голосу хозяина, поднялся на задние лапы и стал кружиться.

Мужик ещё ближе подошёл к нему и всё кричал. А племянник всё плясал и бил в барабан.

Когда мужик уже близко подошёл к медведю, он вдруг бросился к нему и схватил его за цепь.

Тогда медведь зарычал и бросился бежать, но мужик уже не пустил его и опять стал водить его и показывать.

Л. Толстой

БАРАН, ЗАЯЦ И ЕЖ

Я хочу рассказать о том, как у меня в деревне, в моём деревянном доме, у большого леса, в глуши, жили со мной домашний баран, заяц и ёж. И так скоро ко мне привыкли, что не отходили от меня.

Как-то сидя вечером у леса, я увидел, как по травке шёл ко мне небольшой зверёк — ёж. Прямо подошёл ко мне. Когда я его хотел взять, он свернулся в клубок, ощетинился,

ужасно зафыркал и зашипел. Я накрыл его носовым платком.

— Нечего сердиться, — говорил я ему. — Пойдём ко мне жить.

Но он ещё долго сердился. Я ему говорю: «Ёжик, ёжик», а он шипит и колется. Моя собака Феб смотрела на него с презрением. Я оставил ему в блюдечке молоко, и он без меня его пил.

Так он поселился жить у меня в дровах, у печки, и я его кормил хлебом и молоком. Постепенно он привык выходить на стук рукой по полу.

* * *

Заяц, которого мне принесли из лесу и продали, был небольшой. Голодный, он сейчас же стал есть капусту, морковь. Собаку Феба он бил нещадно лапами по морде так ловко и часто, что Феб уходил обиженный. Скоро заяц вырос и потолстел. Ел он целый день и был пуглив ужасно. Постоянно водя длинными ушами, он всё прислушивался и вдруг бросался бежать опрометью, ударялся башкой в стену. И опять — как ни в чём не бывало, успокаивался скоро. В доме он всё же не боялся ни меня, ни собаки, ни кота, ни барана большого, который жил со мной и почему-то не хотел никогда уходить в стадо. Заяц знал, что все эти его не тронут, он понимал, что эти, так сказать, сговорились жить вместе.

* * *

Я уходил неподалёку от дома, к реке, лесу и писал красками с натуры природу. Помню, Феб нёс во рту складной большой зонт. Заяц прыгал около, а баран шёл за мною в стороне.

Заяц не отходил от меня, боялся, должно быть, что поймают и съедят. Когда я писал с натуры, Феб спал на травке около, или искал по речке, или вспугивал кулика, а заяц сидел около меня и всё водил ушами и слушал. Но ему надоело, что я сижу и пишу. Он вдруг начинал стучать по мне лапами и довольно больно. При этом как-то особенно глядел, будто говорил:

— Довольно ерундой заниматься. Пойдём гулять.

Слово «гулять» знали Феб, заяц и баран. Они любили гулять со мною.

* * *

А ёжик появлялся ночью, и было слышно, как он ходил по полу по всем комнатам, как уходил на террасу, в сад, пропадал. Но стоило мне постучать рукой, ёж вскоре же возвращался. Баран ужасно боялся ежа, поднимал голову с большими завёрнутыми рогами, начинал топать передними ногами, как бы пугая того, а потом бросался бежать во все стороны.

Заяц не мог никогда прыгнуть на стул, кушетку, постель. И когда я ложился спать, заяц

садился около, вставая на задние лапы, но прыгнуть ко мне не мог никогда. И приходилось его брать к себе за длинные уши. Я клал его на постель. Он очень любил спать со мной, плотно ко мне прижимался в ногах, протягивался и спал. Но уши его ходили во все стороны, и во сне он всё слушал.

К. Коровин

БЕЛКА

Однажды на базаре невзрачный мужичок, выйдя из трактира, подошёл ко мне, посмотрел серыми глазами и сказал:

— Барин, слышь, хочешь, я тебе живую игрушку уступлю? Увидишь, до чего занятна. Только дёшево не отдам.

И он из-за пазухи вынул жёлтую прехорошенькую белку. Она большими острыми круглыми глазками смотрела на меня.

Он мне дал её в руки. Она преспокойно сидела.

— Ручная, брат, белка... Вот до чего ласко-

вая. Спасибо скажешь. Игрунья... От тебя не уйдёт. Орешками кормить будешь. А пусти, так она сама прокормится, к тебе придёт. Этакой умный зверь, вот подумай, а лесной, дикий. Я её ведь тут недалече нашёл. Из гнезда ушла маленькая. Знать, мать-то коршун взял. Я люблю с ними заниматься, ну, и привыкают. Только дорого, менее красненькой не отдам.

Я вынул десять рублей:

— Хорошо. Спасибо. Хороша белка. Какая большая!

Крестьянин вынул платок, в один край завязал деньги в узел. Отдал мне белку.

— Барин, — сказал он неожиданно. — А ты знаешь, она понимает, что я её продал тебе. Ты её не обидишь, от кошки убережёшь. Эта белка радости много даёт. Не поймёшь — а вроде как любовь в ей есть. Поверила человеку. Значит, не боится и благодарит. Бери её, клади в карман, скажи: «Умри» — и неси домой. А за красненькую... спасибо... Деньги, конечно. Я как тебя увидал, намекнулось мне, что ты её купишь.

Я посадил белку в карман.

— Умри, — сказал крестьянин и засмеялся.

И белка на самом деле свернулась, как бы умерла.

Я пошёл в лавку, купил орехов.

В трактире белка сидела передо мной и с изумительной красотой, держа в лапках орех, обтачивала его зубами, доставала зерно. По-

том, быстро обежав по мне, села на плечо и грызла орех. Я взял её, посадил в боковой карман, сказал: «Умри», и белка спряталась.

* * *

В моём деревенском доме, где была охотничья собака Феб, я показал белку. Феб немножко понюхал, не обратил внимания, и я выпустил её на стол. Она, быстро прыгая, взгромоздилась на занавеску окна. Окно было открыто, белка пропала за окном. Я выбежал на террасу, пошёл к окну — белки нет... Пропала. Я всюду смотрел, на деревья, вдруг сзади белка села мне на плечо. Я с ней опять пошёл в дом.

На большом столе у себя я прибрал всё, так как боялся, как бы она не наелась красок, не попала бы лапками в палитру[1]. Сестра моя и гостивший доктор изумились привязанности белки, хотели погладить, но она не далась. Это было удивительно. Неужели правду сказал крестьянин, что она понимает, что она продана мне, что я ей хозяин?

* * *

Когда я лёг спать, белка от меня не отходила. Я ей сделал гнездо: взял корзинку, на-

[1] Палитра — тонкая дощечка, на которой художник смешивает краски.

ложил сосновых веток и сена, но она не желала быть в корзинке. Она спала со мной. Когда я её хотел тихонько покрыть маленькой подушкой, она во все глаза смотрела на меня, и сделать это было невозможно. Она с быстротой молнии отскакивала в сторону. Оказалось, что это игра. Я видел, что это ей нравится: она нарочно садилась мне на грудь и делала вид, что не смотрит. Накрыть её подушкой было невозможно. Я видел, как это её веселит. Я её сажал на руку, хотел как бы прихлопнуть другой рукой: невозможно, она уже была у меня на голове. Разыгралась. Но когда я ей говорил: «Ну, довольно играть, спать, умри», белка засыпала у меня на плече.

Я боялся её во сне задавить, но оказалось, что я напрасно беспокоился, так как она отлично со мной спала.

А утром она выбегала в окно в огромный бор до вечера. «Какая странность, — удивлялся я, — зачем же она возвращается?» Как это странно и как удивляло меня и удивляет сейчас. Она привязалась к человеку какими-то неведомыми законами любви.

* * *

Но вот в начале августа белка из лесу не вернулась. Я очень страдал и думал, что её застрелили. Охотник Герасим, мой приятель, сказал:

— Кому стрелять?.. Она жёлтая, никому не нужна... Я их зимой бью. Жёлтую не купят.

Я в тот день сидел на террасе, где был накрыт чай, со своими приятелями. Вдруг появилась моя белка. Приятели удивились. Она бегала по столу, опустила лапку в варенье, попробовала его, потом опять спрыгнула с террасы, побежала на беседку, прыгнула на сосну. Тут мы увидели, что там, вытянув шейку и смотря круглым глазом, робко притулившись, сидит другая белка. Моя белка была около неё, они сидели вдвоём. Потом другая белка живо пропала, прыгая с дерева на дерево. Моя же белка спустилась, прыгнула через собаку Феба, села ко мне на плечо.

* * *

Наступили дожди, стала непогода. Пожелтели листья берёз, и опали осины. Оголились леса. Белка редко уходила из дома. К покрову[1] я уехал из деревни в Москву.

Я повёз её в клетке, которую купил в Москве. Клетка ей не понравилась, так что я её вёз часть пути в кармане. И всю зиму в Москве жила она со мной.

Когда я поздно возвращался с работы, из театра, она знала стук калитки, как я отворяю, и с невероятной радостью встречала меня в коридоре, бегая по мне кругами. Ждала, ког-

[1]К осени. Покров — старинный осенний праздник.

да я выну ей кедровые орехи или какой-нибудь гостинец.

Странно, что только доктору, которого видела у меня в деревне, позволяла она погладить себя; к другим не шла. Она не приставала, не просила, не надоедала, но ей нравилось, что ею любовались. Как странно, какой меры и такта был этот маленький зверёк.

Шла долгая зима. Я выходил с ней гулять на двор, где был сад. Она забиралась на деревья, но, должно быть, привыкнув к теплу дома, гуляла недолго и лезла ко мне в карман.

* * *

Ранней весной я уехал в деревню.

В первый же день белка ушла и не возвращалась неделю. Потом объявилась опять и привела с собой другую белку, от которой беспрестанно возвращалась домой и уходила опять. Она возвращалась всё реже и совсем пропала.

Опять осень и пурга первого снега. Уныло на душе. Серое небо. Дымят вдали чёрные овины. Тётушка Афросинья рубит капусту. Солят на кухне грузди.

Я взял ружьё и пошёл по лесной тропинке к реке. Стаи мелких птичек, чижиков, осыпали ветви оголённых берёз. Улетают от нашей суровой страны.

Вдруг на меня прыгнула белка и весело забегала кругом. Она уже посерела. Я так обра-

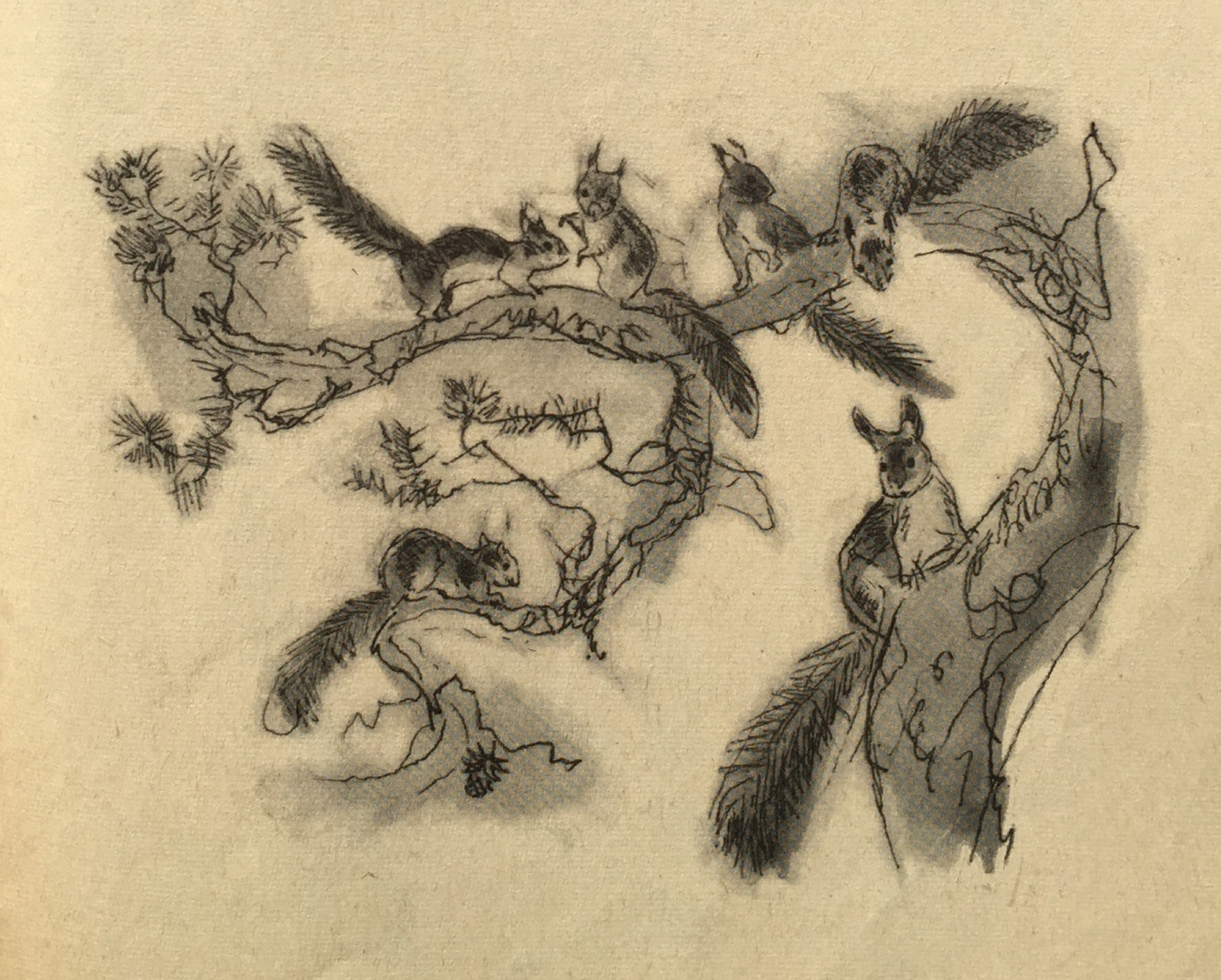
довался. Она прыгнула и взбежала на сосну. Я взглянул кверху, увидел, как шесть белок прыгали с ветки на ветку. Я посвистел, на зов она опять вернулась ко мне.

— Прощай, Муся. Твои дети, должно быть?..

Феб посмотрел на белку пристально. Она была уже серая, но он догадался, что это наша белка.

Больше я её не видал.

К. Коровин

СОДЕРЖАНИЕ

[1] Названия к рассказам К. Коровина даны редакцией.

Рисунок на обложке, титуле и форзац
Г. Никольского

Для начальной школы

ГДЕ ЕЖИК?

Рассказы

Ответственный редактор Г. И. Гусева. Художественный редактор Н. З. Левинская. Технический редактор Н. Д. Лаукус. Корректор Н. Е. Кошелева. Подписано к печати с готовых диапозитивов 9/XI 1976 г. Формат 70×100/16. Бум. типогр. № 2. Печ. л. 2. Усл. печ. л. 2,6. Уч.-изд. л. 1,93. Тираж 1 500 000 экз. Заказ № 482. Цена 9 коп. Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература». Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Калининский ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат детской литературы им. 50-летия СССР Росглавполиграфпрома Госкомиздата Совета Министров РСФСР. Калинин, проспект 50-летия Октября, 46.

Цена 9 коп.